

Четвертый том уральской антологии, вышедший традиционно через семь лет после предыдущего и, что принципиально, в новом дизайне, подчеркивающим статусность напечатанного, выглядит как очередной этап в проекте Виталия Кальпиди по репрезентации и разметке уральской поэзии.

На предыдущем этапе был представлен не только 3 том антологии (2011), но и энциклопедия «Уральская поэтическая школа» (2013), собравшая под одной обложкой сведения о более чем сотне авторов, проживающих преимущественно внутри символического треугольника Екатеринбург–Пермь–Челябинск, с учетом несуществующего угла в виде Нижнего Тагила. Новый том расширил географию за счет небольших городов Урала и увеличил численность фигурирующих в проекте авторов.

В антологию 2018 года вошли 74 поэта, из них – 32 не присутствовавших в предшествующих версиях антологии, но проявивших публикационную и литературтрегерскую активность в последние годы.

Каждый том «Современной уральской поэзии» имеет собственное целеполагание, и четвертый – не исключение. К примеру, книга, увидевшая свет в 1996 году, представляла «другую поэзию», так называемый уральский андеграунд, идейно и эстетически противопоставленный

советской поэзии, хотя, по факту, даже в региональном изводе та была очень разной. Антология фиксировала слом традиции и являлась своеобразным литературным прорывом, положившим начало переформатированию поля уральской поэзии.

Второй том можно назвать попыткой сборки Уральской поэтической школы (УПШ) как литературного феномена. Причем довольно убедительной — о школе заговорили, начали осмыслять как целостное явление, ее поэты стали известны за пределами региона. В третьем томе был обозначен молодежный слой региональной поэзии, на первый план вышла смена поколений в рамках УПШ. Именно после его выпуска и тем более энциклопедии, когда обнаружилось, что поэтов на Урале больше, чем вмещает среднестатистическая поэтическая школа, Виталием Кальпиди была рождена концепция Уральского поэтического движения (УПД), не обязывающая ни к ограничениям численности авторов в проекте, ни к поиску какого-либо единого художественного основания в их поэтических практиках. Четвертый том в этом отношении окончательно зафиксировал стратегический переход от концепции УПШ к УПД и в целом артикулировал экспансионистскую стратегию Кальпиди, ныне принципиально работающего с разнообразными формами письма.

В 4 том попали авторы, ранее не представимые в антологии, в том числе не связанные поколенческой преемственностью с поэтами УПШ, не имеющие общих эстетических программ, не упоминавшиеся в одних контекстах. В частности, не раз манифестировавший свою неприязнь к верлибру, свойственную поколению поэтов-восьмидесятников, составитель антологии не стал отказываться от репрезентации форм свободного стиха. При этом Кальпиди преодолел некоторую некогда имевшую место брезгливость в отношении поэтических практик, генетически связанных с советской поэзией, тем самым инсталлировав в проект полюса, чьи силовые линии направлены на жесткое отторжение друг друга. Думаю, многочисленность и разнообразие явленных в томе опытов письма — вплоть до политических, контекстуальных и стилистических полюсов, свидетельствует даже не об актуальности концепции УПД, но о предельно широком пространстве уральской поэзии как таковой. 4 том обнажает процесс фрагментации и, я бы даже сказала, атомизации региональной словесности, существующей в ситуации, когда символические полномочия постсоветских литературных институций все очевиднее редуцируются, а альтернативные проекты, направленные на объединение большого количества авторов, не всегда имеют для моделирования литературного поля достаточных оснований.

Скажем, именно после прочтения антологии 2018 года мне стала очевидна необходимость обособления группы екатеринбургских и челябинских поэтов (см. статью «Второй уральский андеграунд» в № 134 журнала «Литература»), ориентированных на новейшие актуальные практики, не связанные с уральским мейнстримом или тем, что стало мейнстримом благодаря литературтрегерской работе старшего поколения поэтов УПШ.

Некий элемент самодискредитации или, что точнее, самоотстранения вмонтирован непосредственно в антологию. Среди ее авторов без труда находятся откровенно фейковые Братья Бажовы и Я_Аноним. Их конструирование как авторов (больше — постмодернистских скрипторов) объясняется состоянием современного поэтического пространства, в котором находится место как мистификациям, так и анонимной поэзии (отсылка к проекту «Русская поэтическая речь»). Тем более что подборки анонимов представляют некоторую универсальную модель уральского поэтического дискурса, по крайней мере, такой, какой ее хочет видеть Виталий Кальпиди. Это «голубое сало» уральской поэзии связано с ощущением обработанности модели, являющей, скорее, поэтическую реальность предыдущих этапов жизни проекта — 2 и 3 томов. Возможно, затем и оно потребовалось Кальпиди, чтобы было от чего уходить в составлении нового тома, через что переступить.

Что касается самой идеи пребывания-в-движении, то она уже по праву может рассматриваться как конструктивный принцип уральской антологии, от которой во всякой ее семилетней

итерации ожидается обновление литературтрегерской стратегии составителя, а также некоторое количество дополнений к основной поэтической программе.

В 4 томе Виталием Кальпиди была продолжена работа по картографированию современной поэзии, теперь не ограничивающейся для него Уралом, Россией и даже пространством русского языка. Важной особенностью тома стала публикация переводов, которые специально по случаю составления книги подготовили уральские поэты, что расширило и ее географию – здесь фигурирует большое количество стран – от Великобритании до Сингапура, от Франции до Казахстана – и список включенных в нее поэтов. В антологии оказались в том числе авторы, тексты которых были впервые переведены на русский язык. Примечательно, что проект не выдвигал требований к техникам и особенностям перевода – и здесь читателя ждет все то же многообразие, сотканное, ко всему прочему, из индивидуальных поэтических стратегий переводчиков-поэтов.

Как предполагает Кальпиди, переводы – инструмент, работающий на включение региональной поэзии в мировые контексты, а также мотиватор для поэтов из других стран переводить тексты уральских авторов – отсылка к еще одному проекту – «Жестикуляция» (см. книгу «Воздух чист...», 2018), направленному на создание «мировой поэтической корпорации на основе единого языкового пространства». Не хочется комментировать «Жестикуляцию», замечу лишь, что всякий раз, когда речь идет о проектах Виталия Кальпиди, так или иначе возникают и настойчиво обозначают себя черты утопического мышления. В этом смысле антология 2018 года оказалась носителем двойного утопизма, с одной стороны, связанного с попытками создания целостного кластера уральской поэзии, с другой – его интеграции в систему мировой поэзии.

И последнее. Для меня, наверное, важным и вполне реалистичным параметром нового тома «Современной уральской поэзии» стал гендерный баланс среди авторов (половина которых – женщины), вообще-то характерный для современной поэзии и – шире – литературы, но в провинциальных контекстах доселе неочевидный.

*Антология современной уральской поэзии. 2012–2018 гг. / ред., сост. В. О. Кальпиди.
– Челябинск: Издательство Марины Волковой, 2018*